

УДК 316

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ И ДЕ-ТРАВМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Шматько А. А.

***Аннотация:** В статье рассмотрены процессы демифологизации и рационализации общественного сознания под воздействием исторического сознания, которое выполняет также в рамках общественной системы важную роль детравматизации. Подчеркивается, что культурные и ценностные травмы, разрывы общественного сознания возникают в современном обществе постоянно. В свою очередь общество должно быть готовым осознать не только собственную травму, но и те причины, которые к ней привели, а также те предрассудки, идеализации и мифы, которые её скрывали. Утверждается, что процессы рационализации и демифологизации в обществе не должны носить тотального характера, быть принудительными и, тем более, иметь насильственно-революционный характер, так как любая нейтрализация социального мифа должна производиться тогда, когда общество имеет потенциал для репрезентации предшествующей мифу и архаизации социальной травмы и проживания последующей аксиологической репрезентации травмирующей реальности, в том числе и путем обращения к историческому прошлому и историческим нарративам.*

***Ключевые слова:** история, историческое сознание, социальные изменения, социальная травма, социальный миф, демифологизация, архаизация, ценности.*

Историческое сознание как система взаимосвязанных компонентов – коллективной памяти, опыта межпоколенной интерпретации её содержания, механизма трансляции этого опыта и прогностического исторического опыта – выполняет в жизни общества множество важных функций. Прежде всего, это функции создания и символического обеспечения макроидентичностей, стабилизации и гомогенизации общественного сознания и пр. Однако его важной функцией также является демифологизация и детравматизация общественного сознания.

Культурные и ценностные травмы, разрывы общественного сознания возникают в современном обществе очень часто, почти постоянно. Динамика современного общества очень неравномерна, она может переходить от стремительных ускорений и скачков к регрессу и архаизации в течение жизни одного поколения. Происходящие события разрывают ткань повседневности, создают культурные травмы и новые риски развития [1, с. 289-296.]. Кроме того, коллективная память в результате таких событий подвергается серьезной диверсификации: происходит распад целостности опыта исторической интерпретации и трансляции. Миф, неизбежно возникающий как своеобразный культурный «амортизатор» и социально-терапевтическое средство, в целом уже не справля-

ется с этими функциями, и в общественном сознании происходят столкновения полярных представлений о будущем и соответствующих ценностей. Между собой начинают конкурировать консервативно-охранительные и модернизационные идеалы, превращаясь в «бои за историю» [2].

Утрачивается целостность, интегрированность общественного сознания, или хотя бы его видимый компромисс. Это очень серьёзная ситуация для общества, и, чтобы сохранить свою целостность, оно вынужденно насильственно ограничивать этот ценностный распад. На практике это выглядит как ограничительные меры в отношении дискуссий по важным ценностным вопросам и актуальным историческим проблемам и насаждение единственной точки зрения.

Понятно, что такая экстремная мера не может быть позитивной в долгосрочной исторической перспективе, потому что, будучи последовательно реализованной, она неизбежно влечет за собой архаизацию, упрощение общественного сознания, усиление роли мифологического сознания, призванного выполнить интегративную и социотерапевтическую роль. Устранение любых полярных точек зрения (инакомыслия) неизбежно порождает блокирование инноваций, критического мышления, рационализации и вариативности мышления в любых социальных сферах. Все четыре компонента исторического сознания подвергаются сакрализации и мифологизации и становятся этически и ценностно «определёнными» (чаще всего в религиозных терминах).

Если процесс архаизации затягивается надолго, миф проходит несколько циклов актуализации, и общественное сознание приобретает черты каноничности и сакральности трансляции и интерпретации исторического опыта превращается в ритуальность [3, с. 174-182]. История символизируется и сакрализуется, наращивает дистанцию с личностью, её содержание превращается в догматично изложенную хронику деяний героев. Негероическое и «профанное» (или внерелигиозное, секулярное) редуцируется из такой истории, его ценность резко снижается или даже вовсе оказывается под запретом. История перестает быть «уроком» для общества и людей, эта функция исторической памяти атрофируется. Нарративе такого историописания оказывается чрезвычайно удлинённым, по сравнению с прошлыми состояниями и с генетической точки зрения, выходящим из деяний демиургов и высших сил. Приобретает характер теогонии. И, как следствие, такая история, складываясь, фиксируется в общественном сознании в застывшей форме, любое её изменение оказывается под запретом, становится своеобразным табу.

И, напротив, демифологизация исторического сознания – это наращивание процессов рационализации, вариативности интерпретаций, множественности ценностных суждений об уроках прошлого, критических высказываний относительно него, отказ от селекции исторических фактов по принципу соответствия объяснительной схеме. «Плюралистическая мозаичная культура постмодерна отказывается от селекции исторических фактов по их значимости, нивелируя различия между великими историческими событиями и фактами биографий частных лиц. Пестуя многообразие, она отказывается от оценочных суждений в отношении прошлого, в котором во все времена существо-

вали многообразные формы блага и зла» [4] Но, как следствие, рассыпается целостная картина истории: она оказывается принесенной в жертву безоценочности и неиерархичности исторических фактов.

При этом проблема демифологизации и рационализации исторического сознания неизбежно упирается в определение таких важных координат исторического процесса как «начало» и «конец» истории. Они представляют собой отправные точки для любого нарратива или исторического дискурса. Исторический опыт фундирует ценностные основы жизнеспособности любой общественной культуры и макроидентичности. Каждый из системных типов мировоззрения становится основанием для этики и социокультурных практик. Религиозное или мифологическое представление об эсхатологии чаще всего представляет собой форму этического детерминизма, в котором конец истории является логическим завершением всего её развития. Научное мировоззрение также вынуждено так или иначе решать эти вопросы, однако это решение всегда более «открыто», нежели мифологические культурные инварианты исторических координат.

Современное общество, в отличие от традиционного, имеет полный ценностный набор репрезентаций «конца» и «начала» истории, поскольку, в силу своей полифундаментальности, социальные структуры и их компоненты востребуют в зависимости от необходимости и ситуации каждую из них. И в зависимости от иерархии ценностей, от актуализации тех или иных установок в отношении настоящего и будущего, может сознательно или неотрафлексированно варьироваться опора на тот или иной мифологический каркас.

Мифологические картины истории не нужно понимать только в абсолютно негативном ключе: они выполняют в общественном сознании важнейшие стабилизирующие функции, являются важнейшим фактором упорядочивания и солидаризации компонентов социальной системы и общественного сознания. Они также выполняют координирующие, ориентирующие функции, играют роль быстрого стабилизатора и детравматизатора общественного сознания. П. Бергер и Т. Лукман, описывая макроидентичность, говорили, что она формируется в социальных процессах и нуждается в постоянном поддержании [5, с. 279-280].

Макро- и микроидентичности складываются в общественные сознания в обширную знаково-смысловую область, составляющую ядро культуры и общую предельную схему интерпретации реальности, из которой черпают смысл любые, даже рациональные научные историко-культурные дискурсы. Личностные и групповые идентичности проходят стадию легитимации и репрезентации именно в этой ценностной системе. То есть, базовые смысловые мифологические структуры являются важнейшими компонентами общественного сознания и выполняют не только деструктивные, но и конструктивные, значимые для общества, функции.

Более того, начиная с середины XX века феноменологи, исследуя общественные функции социального мифа, пришли к выводу о том, что миф – не просто вредное заблуждение или «заболевание» общественного сознания (как считали ранее), с которым нужно бороться любыми средствами. Миф был репрезентирован как необходимый и

даже как неотъемлемый и сущностный компонент общественного сознания, в основании которого лежат все объяснительные мировоззренческие схемы [6, с. 29-32.]. То есть, в любом обществе, особенно в современном, имеет место определенная вариативность и колебания актуализации мифа/рационального мышления. Л.Г. Ионин считает, что мифологическая объяснительная схема никуда не исчезает даже тогда, когда происходит рационализация общественного сознания. Она – базовая «реальность, ибо воздействует на реальность, изменяя её, создавая или разрушая» [7, с. 210.]

Первые попытки рационализации и демифологизации исторического процесса сами еще изобилуют мифологическими структурами и объяснительными схемами. Выдающийся исследователь эсхатологии философ Рудольф Бультман замечает: «...традиционная библейская схема мировой истории могла быть секуляризирована, что и произошло. Ведь, в конечном счете, концепции мировой истории Гегеля, Маркса и Ницше представляют собой секуляризованную эсхатологию» [8, с. 652]. Демифологизация содержания исторического нарратива и пересмотр структур сознания, отвечающего за его форму – не одно и то же, второе, очевидно, процесс, требующий гораздо более глубокой рефлексии.

Однако, оставляя в стороне вопрос о фундаменте общественного сознания и мифологическом содержании коллективного бессознательного, скажем, что в отчетливо рефлекслируемом содержании общественного сознания миф и историческое сознание не уживаются друг с другом, являясь взаимоисключающими формами познания мира. Миф антиисторичен по своей природе, и рационализация общественного сознания неизбежно влечёт за собой деструкцию мифа и, соответственно, центробежные процессы в общественном сознании. Миф вытесняет из сознания категорию исторического времени, заменяя её фиксированной иерархией событий. Категория времени переосмысливается, распадается линейность времени, время оказывается дискретным или выражено циклическим, в нём меняются причинно-следственные связи: будущее не всегда следует за прошлым, оно может меняться с ним местами. Теогония, лежащая в событийном содержании мифологического историописания – это не описание событий прошлого, не факт уже свершённого, это вневременная объяснительная схема, принцип устройства мира, правило, которое нельзя нарушать, заботясь о собственной безопасности. Мифологический «нарратив» обязательно несёт в себе встроенный этический принцип, собственную логику смыслообразования, ритуальные нормативы исполнения этих правил. Это всегда целостная самодостаточная система, не нуждающаяся в дополнении. Эта система обеспечивает целостный взгляд на проблему, нормативную и ценностную определённую и критерии соответствия. То есть, она заменяет собой все компоненты исторического сознания, порождая особую недискурсивную структуру мышления и собственные «беспроблемные» схемы интерпретации реальности, фундированные собственным языком описания мифологической истины. Безоценочность и сверхпроблематизация рационального историописания сменяется беспроблемностью и сверхоценочностью мифа.

При этом надо сказать, что современный миф утратил инвариантность формы, по форме он приблизился к рациональным формам мировоззрения, часто мимикрирует под

них. Но содержание его при этом не меняется, в нем остается дипластичность компонентов, неаналитичность мышления, ритуальность как механизм трансляции и функционирования и пр. Он по-прежнему «перекодирует» символическую реальность как целостную, беспроблемную, деонтически определённую.

Миф часто возникает как ответ на серьёзную травму социальной солидарности, резкие институциональные деформации, революции, войны, затяжные системные депрессии. Переживая посттравматический синдром, общество продуцирует мифы, выстраивая макроидентичности в замкнутом и «безопасном» символическом пространстве. Не будучи в состоянии обеспечить однородную и устойчивую институциональную структуру, добиться стабильной легитимации, а также страдая от следующих одно за другим социальных потрясений, такое общество гипертрофирует ценность прошлого, изыскивая средства стабилизации в его потенциале. Отчуждение истории от человека и архаизация являются неизбежными последствиями, однако «меньшим злом» по сравнению с социальной и политической нестабильностью.

Миф гипертрофирует и фиксирует коллективные ценности, упрощает объяснительную схему реальности, и тем самым позволяет снять непосильную задачу переживания социальной травмы, снимая, эту задачу, а не решая её. За сравнительно небольшое время она исчезает из коллективной повестки, перестает быть значимой, часто амнезируется и «перестает существовать» для людей.

Историческое сознание обладает мощным потенциалом демифологизации, однако не обладает в той же мере потенциалом культурной адаптации и детравматизации. При этом процесс демифологизации очень часто становится процессом детравматизации [9, с. 6-16]). Рационализируя общественное сознание, оно возвращает общество к амнезированной и не пережитой (вытесненной) травме, которую необходимо заново проработать и переоценить [10, с. 80]. Восстановление исторического опыта требует его аналитической проработки, извлечения коллективного «урока истории» и придания ему общественно значимого смысла (формирование «мемориальной культуры», культуры воспоминаний, основанной на рациональных принципах) [11, р. 373-378]. Именно мемориальная культура, а не одно только историческое сознание, способна поддерживать и обеспечивать идентичность, поскольку обеспечивает связь прошлого и будущего на ценностном основании.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что процессы рационализации и демифологизации в обществе не должны носить тотального характера, быть принудительными и, тем более, иметь насильственно-революционный характер. Любая нейтрализация социального мифа должна производиться тогда, когда общество имеет потенциал для репрезентации предшествующей мифу и архаизации социальной травмы и проживания последующей аксиологической репрезентации травмирующей реальности.

Если не учитывать эти обстоятельства, разоблачение мифов и принудительное возвращение травмы в социальную повестку грозит обществу гораздо большими травмами, чем те, которые планировалось устранить в процессе демифологизации. И в перспективе оборачивается гораздо более масштабной мифологизацией, чем была до начала этого

процесса. Общество должно быть готовым осознать не только собственную травму, но и те причины, которые к ней привели. И те предрассудки, идеализации и мифы, которые её скрывали. Контроль над этими конструктами, по сути, и означает настоящую демифологизацию и рационализацию общественного сознания.

Список литературы

1. Зубова О. Г. Мифологизация исторического прошлого в общественном сознании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4 (37). – С. 289-296.
2. Февр Л. Бои за историю. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 344 с.
3. Рочняк Е. В. К вопросу о мифологизации массового сознания // Гуманитарный вестник (Горловка). 2017. № 3 (1). – С. 174-182.
4. Поспелов Д. В. Особенности мифологизации сознания в условиях социокультурного кризиса: дис... канд. психолог. наук: 19.00.05 / Поспелов Дмитрий Владимирович. – Москва, 2001. – 167 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 323 с.
6. Миллер Е. А. Некоторые аспекты процесса мифологизации массового сознания // НаукаПарк. 2015. № 3 (33). – С. 29-32.
7. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
8. Бульгман Р. Избранное: Вера и понимание; пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. Т. I–II. – С. 652.
9. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. – С. 6-16.
10. Аникин Д. А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. – С. 78-84.
11. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilko A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. № 1. – p. 373-378.

Сведения об авторе

Шматько Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования факультета технологии, экономики и дизайна, Армавирской государственной педагогической академии.
E-mail: alex79andr@mail.ru

Shmatko A. A.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF DEMYTHOLOGIZATION AND DETRAUMATIZATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

***Annotation:** The article considers the processes of demythologization and rationalization of public consciousness under the influence of historical consciousness, which also plays an important role of detraumatization within the framework of the social system. It is emphasized that cultural and value traumas, breaks in public consciousness occur constantly in modern society. In turn, society must be ready to recognize not only its own trauma, but also the reasons that led to it, as well as those prejudices, idealizations and myths that hid it. It is argued that the processes of rationalization and demythologization in society should not be of a total nature, be coercive and, moreover, be of a violent revolutionary nature, since any neutralization of the social myth should be carried out when society has the potential to represent the previous myth and archaize social trauma. and living the subsequent axiological representation of the traumatic reality, including by referring to the historical past and historical narratives.*

***Keywords:** history, historical consciousness, social changes, social trauma, social myth, demythologization, archaization, values.*

References

1. Zubova O. G. The mythologization of the historical past in public consciousness // Caspian region: politics, economics, culture. 2013. No. 4 (37). -S. 289-296.
2. Fevr L. Fights for history. - Sretensk: MCIFI, 2000. - 344 p.
3. Rochnyak E. V. To the issue of the mythologization of mass consciousness // Humanitarian Bulletin (Gorlovka). 2017. No. 3 (1). -S. 174-182.
4. Pospelov D. V. Features of the mythologization of consciousness in the context of a sociocultural crisis: Dis ... Cand. psychologist. Sciences: 19.00.05 / Pospelov Dmitry Vladimirovich. - Moscow, 2001. - 167 p.
5. Berger P., Lukman T. Social design of reality. A treatise on sociology of knowledge. -M.: Medium Publishing House, 1995.-323 p.
6. Miller E. A. Some aspects of the process of mythologization of mass consciousness // Naukapark. 2015. No. 3 (33). -S. 29-32.
7. Ionin L. G. Sociology of culture. - M.: GSHE, 2004. -- 427 p.
8. Bultman R. Favorites: Faith and Understanding; per. With him. - M.: Rosspen, 2004. T. I - II. - S. 652.
9. Shtopka P. Social change as an injury // Sociological studies. 2001. No. 1.-S. 6-16.
10. Anikin D. A., Golovashina O. V. Trauma of cultural memory: conceptual analysis and methodological foundations of research // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 425.-S. 78-84.

11. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilko A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. № 1. – p. 373-378.

Shmatko Alexander Alexandrovich – candidate of historical sciences, senior teacher of the Department of Theory and Methods of Professional Education of the Faculty of Technology, Economics and Design, Armavir State Pedagogical Academy.

E-mail: alex79andr@mail.ru